

ДИАЛЕКТИКА КАК ЦЕННОСТЬ И САМОЦЕННОСТЬ

В литературе нередко встречается слишком широкое, а точнее — слишком абстрактное определение того, что такое ценность: и соответствующий феномен и понятие о нем некоторые авторы определяют просто как всё то, что нужно человеку и обществу для удовлетворения их потребностей. На самом же деле ценность — это потребность особого рода, это некая сущностная характеристика смысла жизни как отдельной личности, так и любой из человеческих общностей. Ценность определяет собою исходную и главную жизненную позицию человека или человеческого общества [1].

Уже само название предлагаемой вниманию читателя статьи содержит в себе вполне определенную идею: одной из таких непреходящих ценностей и человеческого бытия, и Бытия вообще является диалектика. Диалектика, несомненно, определяет собою исходную и главную жизненную позицию человека. Диалектика — это то, без чего нельзя жить. Да человечество и не живет без нее: когда люди прислушиваются к диалектике как логике Бытия (по выражению Гераклита — к Логосу), следуют ей — иногда с достаточно глубоким пониманием дела, а иногда и интуитивно, стихийно, исходя из своего многовекового опыта, — тогда они достигают весьма значительных успехов и гармонии в своем бытии, совершают прорывы в науке, технике, политике, искусстве и т.д., а когда люди живут своенравно, сугубо антропоцентрически, эгоистически, тогда они и их сообщества переживают серьезные кризисы, страдают и деградируют.

Можно видеть, что речь в данном случае идет о важности и всеобщности, универсальности такого метода мышления и поведения, который соответствовал бы закону Бытия (Логосу).

Итак, чтобы мудро, то есть гармонично, жить в этом бесконечном, неисчерпаемом, развивающемся, противоречивом мире, нужно обязательно соответствовать этому миру, слушать и слушаться его основных законов.

Только-только возникнув, философия сразу же и задалась целью найти метод такого соответствия. И, в общем-то, именно в этом и состоит задача и призвание созданной ею диалектики. При этом, что интересно, найденный философией диалектический метод, собственно, и сделал ее философией.

Известный философ Алексей Федорович Лосев по этому поводу писал так: «Единственный правильный и полный метод философии... есть метод диалектический... Диалектику я считаю единственно допустимой формой философствования». «Диалектика есть единственный метод, способный охватить живую действительность в целом» и тут же продолжал: «Больше того, диалектика есть просто ритм самой действительности» [2, 617–618].

Можно видеть, что в этих, по форме весьма категоричных, высказываниях (правда, эта категоричность базируется на всей долгой и плодотворной, подвижнической деятельности А. В. Лосева, на всей его колоссальной философ-

ской эрудиции), диалектикой именуется и сам процесс существования и развития действительности, и метод познания этого процесса. Первое — это *объективная*, второе — это *субъективная* диалектика.

А еще А. Ф. Лосев писал: «Диалектика есть просто глаза... хорошие глаза» [3, 19]. И читатель, конечно, понимает, что в данном случае философ ведет речь не об органе зрения, а о мудром зрении нашего разума.

Как часто люди гибнут из-за отсутствия у них таких «хороших глаз»! Сердце сжимается от любительских кинокадров, на которых засняты люди, спокойно и даже радостно расхаживающие по обнажившейся перед наступающим цунами полосе морского дна. А чего стоят другие исторические кадры — те, например, которые показывают нам восторженные лица людей толпы, слушающей речи Гитлера, да еще при этом мы имеем возможность услышать ликующие вопли этой толпы! Все эти и многие другие подобные им примеры свидетельствуют о том, что у людей очень часто и обыкновенные глаза видят совсем не то, что происходит на самом деле, и разум отключается в самый решающий, судьбоносный момент. В таких случаях трудно не задать себе вопрос: а действительно ли человек это — «*Homo sapiens*»? В то время, которое переживаем мы с вами, а это время исключительно опасных глобальных проблем и кризисов, этот вопрос звучит совсем не риторически и не иронически: от правильности мышления во многом зависит уже судьба *всего* человечества.

Очень грустно, что многовековые усилия философии, результатом которых было создание диалектики как метода соотнесения и соответствия логики человеческого мышления и мирового логоса, зачастую фактически игнорируются современными учеными и политиками. А игнорируются они в том числе и потому, что явно недооцениваются ими. Мы, на мой взгляд, имеем дело с трагическим непониманием нашей современной интеллектуальной элитой того, что *на самом деле* представляет собой диалектика.

Причина такого непонимания состоит, как мне кажется, в следующем. Во-первых, в этом непонимании во многом повинно плохое (я бы даже сказал, отвратительное, догматическое) преподавание философии в Советском Союзе. Разумеется, речь идет о неких статистически-средних, массово распространенных преподавателях, поскольку, и многие это знают, встречались и великолепные преподаватели и ученые, а некоторые из них, такие как Г. С. Батищев, А. С. Арсеньев, М. К. Мамардашвили и др., уже в советское время явно или завуалированно отказывались от диалектического материализма. Во-вторых, некачественное, догматическое преподавание, набившее оскомину большинству советских людей, стало причиной возникновения совершенно ошибочного мнения, что не только преподавание было плохим, но плохим был и сам предмет такого преподавания и плохой была важнейшая часть этого предмета — диалектика, которую теперь в целом зачастую так и продолжают отождествлять только с диалектикой в трактовке диамата и истмата.

Что можно сказать об этом? Из истории мы знаем, что отравившись ядовитыми плодами привезенного из Америки картофеля, люди поднимали против своих правителей так называемые картофельные бунты. А сейчас, разобрав-

шись в том, как следует употреблять картофель в пищу, благодарно называют его вторым хлебом. Поэтому нельзя (особенно в ситуации, когда необходимо быстро и эффективно решать накопившиеся и стремительно накапливающиеся глобальные проблемы), как говорится, с грязной водой выплескивать и ребенка. Нельзя считать диалектику, о которой у многих по тем или иным причинам сформировано неверное, искаженное представление, чем-то малоэффективным и ущербным, не по праву претендующим на универсальность.

Кратко обозначу главные моменты такого непонимания, часть из которых свойственна даже сторонникам диалектики.

Во-первых, недопустимо сводить диалектику *только к методу*. Мы при таком подходе отбрасываем объективную диалектику, то есть закономерности, «ритм самой действительности». И тогда диалектика превращается просто в умение спорить. Различие между диалектикой и софистикой в таком случае становится весьма эфемерным.

Во-вторых, недопустимо ограничивать предмет диалектики только процессуальностью окружающего нас мира. Иными словами, сводить диалектику только «к течению и изменению». В таком случае из предмета диалектики искусственно выбрасываются исконно принадлежащие ей проблемы. Это — проблемы устойчивости, системности, структурности, организованности. Эти проблемы всегда были в центре внимания диалектики и являются важными аспектами более общей диалектической проблемы о закономерностях универсальной взаимосвязи как внутри различных по уровню развития форм бытия, так и между ними.

Диалектика всегда интересовалась соотношением формы и содержания. Как можно оформить содержание? Почему в мире есть нечто менее устойчивое и нечто более устойчивое, а есть и вечное, всегда тождественное самому себе? Вот, предположим, организация древнеримского общества, его правовая инфраструктура, высокий патриотизм его граждан, позволившие этому обществу существовать 600 лет. А вот — советская цивилизация (термин С. Г. Кара-Мурзы) [4], просуществовавшая всего 74 года, ярко продемонстрировав этим правоту гегелевского диалектического афоризма, согласно которому только разумное, то есть разумно устроенное, разумно организованное, может быть по-настоящему действительным. И несмотря на то, что, как достаточно убедительно доказывает в своей интересной и страстно написанной книге С. Г. Кара-Мурза, многое в этой цивилизации действительно было весьма гуманным и обнадеживающим, тем не менее все это хорошее и доброе не сумело развиваться и укрепиться, и недолговечная цивилизация рухнула, раздираемая внутренними противоречиями. Конечно, следует согласиться с С. Г. Кара-Мурзой и в том, что в этом внутреннем разрушении и конечном падении советской цивилизации колоссальные усилия приложили и внешние враги Советского Союза, но, как говорят индийские йоги, здоровому организму микроб не страшен. Собственно, и у Римской империи тоже были многочисленные враги и конечное падение (и тоже главными причинами падения были внутренние причины, а не козни врагов), но вот сроки существования названных цивилизаций явно несопоставимы.

Кстати, в советском обществе и не могло быть адекватного преподавания диалектики: уж очень догматически мыслящих руководителей оно имело. Ни мыслить с помощью диалектики, ни пользоваться ею на практике они не умели, да и не хотели. Один лишь Ленин неплохо знал диалектику, но действовал ли он диалектически в жизни? Судя по жестокому, волевому стилю его действий, он тоже был склонен к догматизму, а диалектика у него была, по-видимому, всего лишь орудием политической полемики. Говорилось одно, а делалось совсем другое. Чем же, спрашивается, она в таком употреблении отличалась от софистики? Так, например, известная фраза Ленина «социализм и демократия неразделимы» так и осталась издевательской декларацией, а ведь в ней содержалось истинное, диалектическое содержание, и грандиозный эксперимент по созданию общества, основанного на общественной собственности, в условиях отсутствия прозрачности ее распределения, прозрачности и общей значимости кадровой, национальной, внешней и внутренней политики был изначально и абсолютно обречен на неуспех, на поражение.

В-третьих, неправильно связывать диалектику с каким-либо одним философским течением, например с материализмом или идеализмом. Как материализм, так и идеализм, будучи односторонними учениями, именно в силу своей односторонности и искажают диалектику. Материализм долгое время претендовал на абсолютно верное понимание диалектики. Но если эта претензия как-то и оправдывается в разделе философии, которую мы называем теорией познания, гносеологией, то вот в области онтологии даже у выдающихся представителей материалистической философии содержатся существенные догматические искажения диалектики. А ведь диалектика и догматизм несовместимы.

Анализируя эти взгляды, я пришел к общему выводу, что диалектика, конечно, связана с монизмом, но не с материалистическим и не с идеалистическим, а скорее — с монизмом философии Б. Спинозы, при условии умелого сочетания ее с идеей эволюции. А то, что философия Спинозы действительно стоит особняком и не является ни материалистической, ни идеалистической, хорошо доказано современным исследователем этой философии А. Д. Майданским [5, 167].

Итак, в чем же диалектика проявляет себя как ценность для правового и иных форм познания и практики? Именно в том, что она является универсальным методом познания и деятельности. В силу этой своей универсальности диалектика не нуждается ни в каких внешних дополнениях какими бы то ни было иными методами. Неоднократно и от разных ученых приходилось, например, слышать такую фразу: диалектику «в силу ее ограниченных возможностей» следовало бы дополнить... метафизикой. В данном случае несомненно проявляется тот аспект непонимания того, что такое диалектика, когда задачу диалектики видят только в исследовании временной, исторической формы бытия мира в целом или же какой-либо отдельно взятой системы явлений. Но при чем тут метафизика? Это понятие в первом его значении является либо синонимом всей философии, либо ее важнейшего раздела — онтологии, а во втором значении (после критики Гегелем «старой метафизики» за ее рассудочный характер) применяется в отрицательном смысле как синоним догма-

тического, негибкого, избегающего противоречий метода познания. Как можно видеть, метафизика ни в первом, ни во втором ее значении никак не может «дополнить» диалектику.

Диалектика как метод познания и деятельности, конечно же, нуждается в постоянном развитии, но это развитие имеет единственную направленность — в сторону все большего и большего соответствия ее диалектике объективной. Но при этом любой иной метод, любые методологические находки и выводы, как, например, методологические выводы синергетики, как бы «охватываются» ею, осмысливаются, перерабатываются и входят затем в ее структуру и содержание. И это потому, что объективная диалектика, которой постоянно как бы «подпитывается» субъективная диалектика, является субстанцией, причиной самой себя, самодовлеющей системой, ибо она есть неотъемлемый Логос бытия, его универсальная форма.

Итак, можно видеть, что, говоря о ценности диалектики для нас, мы, в первую очередь, говорим о диалектике субъективной.

Несколько слов в связи с этим о значении, о ценности диалектики для философских вопросов права. Оно проявляется не только в анализе противоречий различных позиций, высказанных в истории юриспруденции, но и в необходимости диалектического категориального анализа такого, например, важного вопроса, как проблема естественного права. Мы не можем его решить без вдумчивого категориального анализа (точнее: диалектического анализа и синтеза в их единстве), и такому анализу должны в этом конкретном случае подвергнуться категории «право», «естественное», «сущность», «свобода», «творчество», «гармония», «справедливость», «отчуждение», «развитие».

Мы видим также, что с помощью диалектики можно и необходимо (пришло время) наполнять сущностным содержанием формально, абстрактно сформулированные категорический императив Канта и естественные права человека. И здесь очевидно, что любая попытка решить эти важные вопросы, то есть вопросы о том, в чем заключается суть нравственности и суть естественных прав, с помощью и на основе только формальной, рассудочной логики, обречена на неудачу.

Интересно то, что И. Кант, с одной стороны, был инициатором создания новой (в его терминологии — трансцендентальной) логики (формальной логике он вообще отказывал в онтологическом статусе), а с другой стороны, — даже систему категорий этой логики (внутренне уже насыщенных у него диалектикой) основывал все-таки на формальной классификации суждений. Так что, будучи одним из создателей диалектической логики, Кант в то же время никак не мог окончательно освободиться от рассудочной трактовки отдельных категорий, да и самого познавательного процесса. И это вполне понятно: Кант — пионер, первооткрыватель. Создавая новое из старого, не сразу освободишься от элементов этого старого. Но вот когда современные ученые и философы, при наличии уже достаточно разработанной в истории философии системы диалектической логики, продолжают наступать на те же «грабли», что и Кант, то остается только сожалеть о том, что не только гражданская история, но и история философии нас ничему не учит.

Возьмем категорию общего, или всеобщего. Причем, это не случайный выбор, ибо от правильного понимания этой категории зависит очень многое, прежде всего, правильное же или, напротив, искаженное понимание сущности и истины.

Если разобраться, то знаменитая кантовская «вещь-в-себе» своим происхождением в очень большой степени обязана традиционному, идущему еще из античности (Платон — блестящее исключение из этой традиции) одностороннему пониманию категории «общее». В чем же односторонность, примитивность этого бытующего понимания «общего»? В том, что последнее трактуется при этом только как сходство, одинаковость признаков различных предметов или явлений. Кант, полагая, что «чистый разум» человека, способный лишь извлекать из мыслимого предмета вот такие общие признаки, неизбежно и всегда этот предмет огрубляет. Поэтому, согласно Канту, за пределами предмета познания, сформированного мыслящим субъектом с помощью синтеза чувственных впечатлений и категорий рассудка, а также при обязательном участии творческого продуктивного воображения всегда неизбежно остается нечто принципиально непознаваемое — вещь такая, какая она есть сама по себе [6].

Итак, если уж «...Кант еще в значительной степени остается под властью традиционной теории образования понятий как отвлечения («абстрагирования») свойств, «общих» ряду различных эмпирических «предметов» [6], то что говорить о современных нам ученых, не желающих понять и принять диалектику в качестве универсальной методологии, в качестве эвристической логики познания.

Только что сказанное, несомненно, относится и к пониманию ценностей: всеобщность ценностей не может пониматься как абстрактная общность индивидуальных ценностей. Если кто-то из людей понимает и реализует свободу так, а кто-то совершенно иначе, это вовсе не означает, что свобода не есть общечеловеческая ценность. Общий для всех людей характер свободы определяется тем, что человек (и как род, и как индивид) возникает, формируется и функционирует как изначально, сущностно свободный. В отличие от животных он не живет по жесткой генетической программе, а сам — индивидуальными и коллективными усилиями проектирует программу своей жизни. Поэтому труд имеет исходно свободный и творческий характер. Да-да, даже первобытный дикарь, вооруженный примитивным копьем, принципиально отличается от любого вроде бы «свободно» рыскающего по джунглям животного тем, что он мыслит и, следовательно, до свершения любого своего практического действия в идеальном плане проектирует это действие. Свободно выбирает и создает программу действий, свободно ее дополняет и изменяет: семь раз отмерь, один раз отрежь. Поэтому всё, что системно связано с трудовой деятельностью как сущностью человека, является для него великой ценностью. Наряду со свободой это — правильное мышление (а значит, и диалектика), развитая членораздельная речь, нравственные нормы поведения и, соответственно, — совесть в душе человека, религия, искусство и многое другое.

Да, степень свободы человека в начале его существования еще очень низка, но ничто не возникает сразу в абсолютно совершенной форме, и поэтому вся история человечества, а следовательно, и смысл и направленность его развития есть, по Гегелю, *бесконечное восхождение к абсолютной свободе*.

И здесь мы сталкиваемся с необходимостью преодоления чисто социального, тем более — субъективистского, понимания человеческих ценностей. Согласно выдающемуся философу современности Г. С. Батищеву, мир ценностей укоренен в беспредельной и неисчерпаемой объективной диалектике: «...Надо взять не только всю иерархию субъектных целей, а и всю многомерность стоящих за этими целями и над ними и ориентирующих всякое целеполагание ценностей (можно было бы сказать: аксиологических содержаний, если только лишить этот термин всякого созвучия и всякой связи с субъективистским аксиологизмом)» [7, 105].

И тут, начиная говорить об объективной диалектике, мы касаемся уже темы *самоценности диалектики*. Объективная диалектика довлеет себе и поэтому представляет ценность сама по себе, поскольку содержит Мир в его Бытии. Эта тема содержит массу интересных проблем, которые предстоит еще разрабатывать и разрабатывать. И я отсылаю тех, кого эти проблемы действительно волнуют, к своей книге «Диалектическая философия» [8].

В общем же, если сказать кратко, то можно с уверенностью сказать, что объективная диалектика это и есть та самая мудрая, разумная организация Мира, которая и делает его бытие возможным. И если мы не будем исследовать ее или будем игнорировать ее (Бог, говорил Гегель, не прячется от человека, как думали и думают большинство теологов, а проявляет себя в универсальных связях и развитии окружающих нас вещей), то, значит, мы не будем реализовывать свое предназначение, гениально схваченное интуицией древних пророков, — быть образом и подобием Божиим.

«В Деянии начало Бытия!» — этот гётевский лозунг по мере развития философии наполняется все более и более богатым смыслом и в конечном счете звучит так: **Объективная Диалектика и есть то вечное и бесконечное Бытие, за которым уже ничего не стоит. Она есть Абсолют.**

Именно таков лейтмотив трудов выдающегося философа современности — Генриха Степановича Батищева, который, продолжая развивать усилия отца диалектики — Гераклита, постоянно повторял, что человек должен соответствовать и служить бесконечной и неисчерпаемой объективной диалектике, и для него она была, в известном смысле, синонимом Бога.

В целом же, в заключение я хотел бы сказать, что ценность диалектики для всех нас состоит в невозможности создания правильного мировоззрения без объективной диалектики как предмета мировоззрения и без субъективной диалектики как метода формирования такого мировоззрения.

Литература

1. Абишева А. К. О понятии «ценность» // Вопросы философии. — 2002. — № 3. — С. 139–146.
2. Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос. — М., 1993.

3. Лосев А. Ф. Философия имени. — М., 1927.
4. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация: В 2 кн. — М., 2002.
5. Майданский А. Д. Понятие мышления у Ильенкова и Спинозы // Вопросы философии. — 2002. — № 8. — С. 165–173.
6. Бородай Ю. М. Воображение и теория познания. — М., 1966.
7. Батищев Г. С. Нравственный смысл диалектики (К критике антропоцентризма) // Диалектика и этика. — Алма-Ата, 1983. — С. 104–114.
8. Ивакин А. А. Диалектическая философия. — 2-е изд., доп. и перераб. — О., 2007.

УДК 340.5:316.752

Х. Бехруз

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СТРУКТУРЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

I. Общая постановка проблемы. Статус любой науки, как известно, определяется с помощью определения не только разработанной методологии, но и обособленного, исключительного и неповторяемого предмета, т.е. сферы, на которую направлена мыслительная деятельность исследователя, в результате чего формируется система знаний. В зависимости от той или иной сферы исследования складывается та или иная система знаний.

Важность методологических основ правовых исследований не вызывает сомнений. А. В. Сурилов по этому поводу отмечал, что «в юридическом познании методология необходима, поскольку она обеспечивает совершенствование, а следовательно, и плодотворность методов этого познания. ...Ничто не может быть усовершенствовано без его познавательного освоения, качество которого определяется, прежде всего, тем, на какой методологической основе оно совершается» [1, 49–50].

Любая наука исходит из общих методологических предпосылок относительности познания, путь к которому прокладывается благодаря совершенствованию подходов, принципов, методов и методики исследования. Современный этап развития науки требует применения нового уровня методологических подходов и принципов, обусловленных сложным характером систематизации знаний об окружающей нас реальности, что служит ее объектом. Это в полной мере относится и к гуманитарным, в том числе и правовой, сферам знаний.

II. Методологические основы сравнительного правоведения. Сравнительное правоведение является относительно молодой юридической наукой. Однако это не означает, как справедливо отмечают Л. В. Бойцова и В. В. Бойцова, что «сравнительное правоведение может игнорировать проблемы методологии» и что оно «должно превратиться в исчерпанную научную традицию, удовлетвориться историческими древностями, истощиться в бесконечных микросравнениях» [2, 23].

Необходимо согласиться с О. С. Звонаревой, которая отмечает, что в настоящее время в юридической науке «сложилась ситуация, когда адекватное ос-